

Пауль Тиллих

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭРА ^{x)}

/перевод с англ. Л.Б./

^{x)} ~~Окончание~~. Начало см.: "Ч" № 37, 51, 53, 55, 57, 60

МИССИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА И ЧЕЛОВЕК НАШИХ
ДНЕЙI. Человек сегодня.

Современный человек, находящийся в центре предлагаемых здесь размышлений, это не просто человек, принадлежащий к нашему поколению, но скорее человек, чей кругозор и система мнений сформированы нашей культурной ситуацией и который, в свою очередь определяет, сохраняет или преобразовывает её. Если мы пожелаем ограничиться самой общей характеристикой, нам придется описать его как личность (исходя из подоплеку христианских верований, как они истолкованы Протестантизмом), которая устроила автономную культуру и живет в ней, подчиняясь её воздействиям и в свою очередь воздействуя на нее. Это человек, который сознательно оберегает и совершенствует в себе влияния гуманизма и Ренессанса, идеализма и романтизма, реализма и экспрессионизма как начала, формирующие его собственный интеллект. Именно такой человек, даже если в действительности его представители встречаются не столь часто, является определяющим духовным типом нашего времени. Напряженность его существования оборачивается творческой энергией, которая дает себя знать во всех сферах жизни. Если мы, желая уловить более конкретные черты его характера, станем пристальнее вглядываться в деятельность этого человека, то нам придется сказать: это субъект, который сомневается в надежности делеемой им независимости. Симптомом этой ненадежности является прежде всего утрата целостного миропонимания, в основе которого лежала система прочно защищенных верований, касающихся Бога, творения и собственного "я". Ощущение надежности в системе теоретических и практических идей, имеющие отношение к смыслу его жизни и к жизни вообще — исчезло. Не далее как

два десятилетия тому назад наша литература с воодушевлением обсуждала кардинальные аспекты современного миропонимания или же противоборство заключенных в нем устремлений. Сегодня ничего подобного уже не встретишь. Только осколки прежних верований можно иногда обнаружить в каком-либо новом направлении. Идеализм, например, сосредотачивается на проблемах, связанных с идеей образования и уже почти целиком воплотился в движения, подобные неогуманизму. Но существует ли в неогуманизме хоть что-то, могущее способствовать созданию и развитию философии, которая в ряду с немецким классическим идеализмом могла бы быть названа целостным миропониманием или просто убедительной интерпретацией человеческой жизни. Неогуманизм не почувствовал ни одного вопроса, имеющего отношение к последней и оставил их без внимания. В то время, когда ни сам Марко, ни ведущие представители марксизма не приняли метафизического материализма (Маркс атаковал его в "тезисах против Фейербаха" как буржуазную идеологию), популярный "общепитовский" марксизм ничтоже сумняшся перепутал так называемый "исторический материализм" с материалистическим миропониманием. Но никто в сегодняшнем мире, заслуживающий название современника, не сможет довольствоваться подобной метафизикой.

По всей вероятности было бы неуместно перечислять здесь другие попытки проникновения за ту завесу существования, где скрывается "миропонимание". Обращусь ли я к так называемой "философии жизни" с ее наиболее блистательным выразителем Ницше и большой группой его последователей в Германии и Франции; стану ли я искать поддержки в учении о бессознательном, созданном Фрейдом, чье влияние увеличивается с каждым днем; или же я пристроюсь к философским и теологическим движениям, обусловленным проникновенными постижениями Кьеркегора — везде я увижу следы разрушения старого миропонимания без малейшего намека на созидательную деятельность. Вся их исполненная могущественностью влияние зиждется на отсутствии миропонимания, занимая предназначенное ему место. Современный человек лишен миропонимания, и только поэтому в нем живет такое яркое ощущение тесного единения с реальностью и встречи лицом к лицу с тревожными сферами су-

ществования на такой глубине, которая совершенно неприемлема для лица нейтрализующего эту тревогу жизни с помощью хорошо защищенного миропонимания. Очевидно, что его отношение к миссии церкви обусловлено той же позицией, которую он ~~иници~~ предпочитает занять имея дело с автономными учениями философии. Он противостоит, сопротивляется им, хотя и вовсе не так как это сделал бы представитель классического миропонимания, преодолевающий одно направление другим. Он замечает в них проблемы и решения, которые в какой-то мере носят уже отпечаток старомодности, но в чем-то сохраняют свое значение и для наших дней. Он разбирает религиозные учения точно так же, как он делает это, интерпретируя мир и жизнь, от которых он числит свое духовное происхождение и которые поэтому он оставляет при себе скорее с ~~иници~~ с наилучшими, чем с наихудшими прогнозами, поскольку он находит в них большее ощущение тайны жизни, чем в автономных системах философии. Но он ещё не способен отвергнуть автономию. Он еще укоренен в традициях автономизма, текущих в наш мир из предшествующего столетия. Но его ситуация отличается от условий предшествующего поколения в том смысле, что он не обладает автономией, защищающей его верования и гарантирующей "творческое" восприятие действительности. Скорее всего, он обладает таким наследством, которое не приносит ему ничего, кроме смятения, ощущения распада и часто отчаяния. Нет ничего удивительного в том, что некоторые церкви воспользовались этой ситуацией и обратились к нашим современникам с призывом вернуться под их крыло. Это особенно верно по отношению к Римско-Католической Церкви; и в этом случае автономные начала общественной жизни капитулировали перед гетерономией.

II Католическая церковь и современный человек.

В такой ситуации Католическая церковь, естественно, занимает благоприятную позицию, поскольку только она всегда была последовательно гетерономична. Она одна имеет целостную, непрерывную традицию и авторитет. Следовательно, Католическая церковь обладает большой притягательной силой для человека наших

дней. Эта притягательность делается поистине триумфальной посреди разрушающейся автономии, столь долго служившей ему опорой. И притом важность этого события обуславливается не столько разлетающейся по всем швам автономией, сколько ощущением того, что духовная "субстанция" присуща только традиции и авторитету. Когда отдельный человек обладает свободой принимать решения относительно окружающих его вещей и событий, он утрачивает непосредственную связь с их значением. Дар свободы, и в том числе религиозной свободы, был оплачен потерей важных основ бытия. Утрата духовной субстанции, интеллектуальной и религиозной, в конце Средних веков оказалась поистине потрясающим фактом. Потребуется еще немного времени, чтобы эта субстанция истощилась совершенно. У нас осталось совсем мало источников жизни — и это, к несчастью, неоспоримо. Источники прошлого почти иссякли — субстанция на грани исчезновения.

Тем не менее, Католическая Церковь, повидимому, способна предохранить и защитить подлинное начало субстанции, которая продолжает существовать в скрытом виде под прочной и словно неуязвимой корой повседневности. Но рано или поздно эта кора треснет и скрытая сущность явится нашим взорам, охватывая потрясенную душу неизъяснимым очарованием; тогда-то, неудержимо притягиваясь к этим подлинным основам бытия (нашему утраченному наследству), мы вдруг постигнем, что мы потеряли и глубокое сокрушение пробудится в нас при виде этой невозвратимой юности нашей культуры. Не удивительно поэтому, что Католическая Церковь использует свое могущественное влияние на Современного человека, поскольку она способна освободить его от бремени автономной ответственности ~~и предлагает старинную субстанцию жизни, когда-то являющуюся его достоянием.~~ и предлагает старинную субстанцию жизни, когда-то являющуюся его достоянием. Гораздо удивительнее то обстоятельство, что это влияние не является уже столь могущественным, что ощущению триумфа церкви во многом противоречат имеющиеся в наличии факты и что здесь, напротив, наблюдается усиливающийся рост обращения в Протестантизм. Особенно странным все это кажется в свете того, что современная проповедь в целом противостоит искушению принести жертву автономии,

которая стала немощной и внутренне несостоятельной. Никто не смог бы разрешить эту ситуацию ссылкой на то, что окостенение Католической Церкви и механичность её иерархической системы создают препятствие для общения с её скрытой сущностью. Но ведь если её структуры получили ценностное признание, если их необходимость не вызывает сомнения, то они могут явиться побудительным толчком для человека с творческим восприятием, который, руководствуясь интуицией, взломает окостеневшую кору, оформленную потоком обыденности. Здесь также будут неуместны ссылки на строго латинизированную окраску Католицизма, которая, якобы, ослабляет его взаимодействие с англо-саксами и странами тевтонского севера. Ибо в латинских странах оппозиция католицизму обычно сильнее, чем в странах германского толка. Разрешение этой ситуации надо скорее искать в том, что человек, привыкший "ловить кайф" в автономии — какой бы истощенной и опустошенной она не казалась — испытывает нечто такое, что не позволяет ему пойти на легкую капитуляцию даже, если в нем и живет потребность ответить на призыв Католической церкви. Это "нечто", объединяющее протестантов и тех, кто живет в секулярной автономии должно быть исследовано и понято. Ибо от него зависит положение религии, а также целостность интеллектуального самосознания человека наших дней.

III. Человеческая "пограничная ситуация".

Это есть ни что иное, как сознание своей "пограничной ситуации" или предельной угрозы человеческому существованию, которое предохраняет современного человека от капитуляции перед гетерономией.

Первой заботой Протестантизма есть и будет всегда провозглашение реальности человеческой пограничной ситуации, предельной угрозы, нависшей над человеческим существованием. И современный человек, ощущая надорванность своей автономии, готов проявить осторожное внимание к этому призыву и в какой-то мере последовать за ним перед лицом искушений безопасностью, исходящих от многих религиозных и нерелигиозных сфер. Упомянув выше о протестантском элементе, мы вовсе не хотим сказать,

что этот элемент принадлежит только Протестантизму. ~~Но~~ Протестантизм, прежде всего — Христианство, а не просто конфессиональное вероисповедание. Он, главным образом, и является носителем и примирителем с "Новым Бытием", явленным в Иисусе как Христе. Он также насыщен духовной субстанцией воспринимаемой каждым, кому ведомо подлинное протестантское благочестие и полновесное, без изъянов, протестантское Христианство. Это реальность, текущая через кровеносные сосуды всех людей, вскормленных хлебом Протестантизма, хотя во многом смешанная с множеством других элементов крови. Даже если идея церкви, которая актуально определяет мораль и миропонимание целой нации есть только одно чаяние, ее влияние присутствует и работает среди людей протестантского круга, и наш взор не должен быть настолько беспечным и рассеянным, чтобы проглядеть его, как это часто случается. Почти все создания современной автономной культуры несут на себе отпечаток Протестантской духовности. Как уже отмечалось, Протестантизм — это прежде всего Христианство. Он никогда не желал быть чем-либо иным, и (в Германии) Протестантские церкви предпочитают именовать себя скорее Евангелическими, нежели протестантскими. Но название Протестантизм, тем не менее, осталось, утратив политический акцент и преобразовавшись в религиозное понятие. Он заключает в себе характерное проявление христианской сущности. Протестантский элемент в Протестантизме представляет радикальное провозглашение человеческой пограничной ситуации и протест против всех попыток, с помощью религиозных уловок избежать этой ситуации, даже если это "ускользание" обставлено всем богатством, всей глубиной и широтой мистического и сакраментального благочестия.

Протестантизм родился в борьбе за учение оправдания верою. Эта идея совершенно чужда не только современному человеку, но также церковным людям протестантского круга. И действительно, я неоднократно имел случай прийти к стойкому ощущению, что подобное представление настолько чуждо современному человеку, что едва ли существует малейшая тропинка, по которой можно подвести его восприятия к его постижению. И тем не менее, это учение об оправдании верою разделило старую

общность христианского мира; оно раскололо Европу, и в особенности проявило себя в разграничении Германии; оно дало нам множество мучеников; породило самые кровавые и ужасающие войны; и оставило глубокий отпечаток в Европейской истории, а через нее и в истории всего человечества. Целый комплекс идей, который владел умами сословий больше столетия, — в эпоху не столь уж отдаленную от нас, — будил страсти в каждом доме и мастерской, в каждой лавке и немецкой гостинице — теперь едва ли окажется под стать самому ученойшему мужу. Мы стоим перед прерванной традицией, которая имеет в настоящее время очень немного исторических параллелей. Нам невозможно даже вообразить, что существует какой-то простой способ преодолеть разверзшуюся у наших ног пропасть и возродить связь с Реформацией. Мне представляется, что все теологические усилия в этом направлении, которые можно было бы квалифицировать как попытки в сфере "лютеранского возрождения", имеют какое-то значение лишь в сугубо академическом аспекте и не оказывают никакого воздействия на текущую религиозную ситуацию. У нас имеются весьма просвещенные круги, которым абсолютно чуждо лютеранское начало, а пролетариат проявляет явную враждебность к нему. Отсюда понятно, что возникла необходимость по-новому раскрыть реальность, ничуть не изменившуюся со времен Лютера, являющуюся, как и в былые времена, источником тяжких предчувствий и опасений; следует выявить ее признаки в психологически-адекватных понятиях для человека наших дней. Именно в связи с этим мы и приводим здесь наши размышления о пограничной ситуации человека и утверждаем, что эти усилия, эта напряженная борьба в свое время расколовшие континент на две части, и столь далекие от современных житейских невзгод (как выражался Ницше о деятельности Лютера), имеют прямое отношение к самой главной проблеме человечества, проблеме его пограничной ситуации.

Человек сталкивается со своей пограничной ситуацией, когда его возможности достигают предела, когда само существование становится лицом к лицу с предельной угрозой. И дело здесь не в смерти. Смерть, разумеется, может указать направление, в котором разворачивается пограничная ситуация. Но само

по себе ее присутствие вовсе не является обязательным, ибо смерть, как таковая не олицетворяет пограничную ситуацию. Именно по этой причине мы ощущаем, что смерть не может освободить нас от ужаса и отчаяния. Духовное расщепление, которое мы испытываем в минуты отчаяния не устраняются с исчезновением нашей телесной экзистенции. Пограничная ситуация, вплотную заглядывающая в наши глаза в момент безысходности, угрожает человеку совсем не на том уровне, который определяет его телесное существование. Каждый, кто постиг (в тайне своего опыта), что угроза прячется в корнях его собственного бытия знает, что идея смерти не приносит освобождения. Он знает, что это отчаяние, если можно так выразиться, уйдет вместе с ним даже после его смерти. Это истина, которая не утрачивает своей реальности, независимо от того, стараемся ли мы понять состояние отчаяния "после смерти" или же предпочитаем размышлять о нем в отвлеченном аспекте.

Пограничная ситуация человека возникает как следствие отсутствия его идентичности со своим витальным существованием. Она приобретает реальность благодаря тому, что человек, будучи человеком, стоит выше самого себя, т.е. своей витальности, потому что он осознанно может порвать со своим существованием. Сущность человека, его стоящая над природой бытийность охватывает трансцендентность по отношению к витальной экзистенции, свободу от самого себя, свободу сказать "Да" или "Нет" своему существованию. Эта свобода, составляющая существенную область его "Я", и от которой он не может убежать, влечет за собой состояние радикальной угрозы его личности. Человек воистину самое угрожаемое существо, потому что он не связан со своим собственным существованием, потому что он может сказать ему "Да" или "Нет". Это проявляется в том факте, что человек может поставить вопрос об истине и что он может потребовать осуществления добра. Любой, кто в состоянии поднимать вопрос об аспекте истины в реальности, тем самым как бы отделяет себя от этой реальности. Всякое требование, обращенное к реальной повседневности, свидетельствует о том, что эта повседневность пребывает отнюдь не под рукою и не в желаемой от нас близости. Человек должен, однако, поставить вопрос и

предъявить требование; он не может уйти от этой судьбы, т.е. судьбы человеческого бытия. Если он не пожелает поставить вопрос, то его бездеятельность сама превратится в ответ на вопрос. Если он не выступит с требованием, его пассивность обратится в послушание требованию. Человек всегда действует, даже в том случае, если его деятельность имеет своим содержанием демонстративно-философический отказ от дела. И человек всегда принимает решения, обремененный реальностью навязанной ему свободы даже в том случае, если содержанием его решения является бегство от свободы. Непременность свободы, принуждающей нас принимать решения, порождает глубокую тревогу в нашем существовании. В связи с этим, наша жизнь ставится под угрозу.

Неизбежный элемент, содержащийся в свободе, не представлял бы для нас угрозы, если бы в конечном счете наше существование никак не затрагивалось необходимостью принимать решения. Жизнь в свободе, однако, не обещает нам такого спокойствия. Это означает, что мы должны принять безусловное требование постижения путей истины и актуализации добра. Если это требование не выполняется — а в жизни оно так и бывает — наше существование становится разобщенным, мы переживаем внутренний разлад, скрытое страдание, которое отравляет всю жизнь, и даже смерть не может освободить нас от этого состояния. Там, где оно (это состояние) приобретает характер безусловности и неизбежности человек и сталкивается с пограничной ситуацией. Тот пункт на нашем пути, где не-бытие в предельном значении начинает нам угрожать, является пограничной чертой для всех человеческих возможностей, пограничной ситуацией. Серьезность человеческой ситуации можно, разумеется, скрыть или ослабить, внушив себе, что мы уже уразумели пути правды или выполнили предъявляемые совестью требования, избегая таким образом безусловной угрозы. Подобная возможность имеется всегда; тем или другим путем, каждый из нас стремится воспользоваться ею. Но абсолютная серьезность может быть свойственна только человеку, презирающему возможность бегства, человеку, рассматривающему жизнь в ее целостности с точки зрения пограничной ситуации, который знает, что его существование ни в смысле времени,

ни выбранного пути не может стать безопасным, что его ни защитят ни безотчетное погружение в поток жизни, ни интеллектуальная или духовная деятельность, ни таинства, связанные с мистицизмом и аскетизмом, ни праведная вера или усердное благочестие, ничто из того, что имеет отношение к земной субстанции религии. Серьезность и сила старого протестантизма основаны на том обстоятельстве, что он не пытался, опираясь на священников, церковь и таинства ускользнуть от предельной угрозы пограничной ситуации. В противоположность ему, мистикосакраментальная религия производит отчетливое впечатление утраты серьезности, самонадеянной уверенности в обладании гарантиями против предельной угрозы, нависшей над всем человечеством. Второстепенное значение, какое в глазах протестанта имеет церковь, богослужение (и религиозная сфера вообще) является следствием его осознанного существования на границе, представляющей предел не только мирских, но также всех религиозных возможностей. Вследствие того, что религия и церковь сами по себе для протестанта не содержат никакой гарантии и не обладают ничем, что могло бы им позволить рассматривать себя как надежную защиту, он (протестант) противостоит им с той же независимостью, каковая характеризует его отношение ко всем другим человеческим возможностям. Но это не гордая независимость человека, смотрящего с высоты на колеблющуюся у его ног толпу, скорее, это независимость того, кто обрел себя в ситуации, заставляющей его разделить участь бесконечного множества людей, ставших объектом предельной угрозы не-бытия. Здесь уже недосуг заниматься проблемой верований или обсуждать различие между личным и общепринятым воззрениями; тут, пожалуй, уместнее всего было бы подумать о бытии и не-бытии на самом глубоком уровне человеческого существования. Возможно, Католицизм прав в предположении, что религиозная субстанция лучше защищена в авторитарной общности. Но тот же Католицизм несомненно заблуждается, стараясь понять Протестантизм как попытку индивидуального начала стать носителем религиозной субстанции. На самом деле это есть ни что иное, как проявление ^{осознанной} причастности к пограничной ситуации, ситуации, при которой религиозная субстанция со всем ее богатством и глубиной, и традиционной муд-

ростью воспринимается как неадекватная, если она намеревается защитить личность перед ~~личным~~ лицом предельной угрозы. При возникновении подобной ситуации противостояние между двумя христианскими конфессиями следует оценивать не как столкновение между субъективизмом и эклезиологической лояльностью. Причиной этого противостояния является необходимость "выбора" между радикальным принятием пограничной ситуации и попыткой с помощью церкви и таинства защитить человека от нависшей над ним угрозы.

IV. Протестантская церковь и пограничная ситуация человека.

Ясно, что церковь, которая занимает такую позицию или, лучше сказать, находится на пограничной линии, которую она остро ощущает при любой занимаемой ею позиции, должна в определенном отношении полностью отличаться от церквей, отвергающих всё, что может внести смятение в их духовную одержимость. Такие церкви должны подвергнуться радикальной критике своё собственное состояние и устранить всё, что так или иначе уменьшает или сводит на нет значение пограничной ситуации в их восприятии, как например, таинство, чье магическое воздействие позволяет сгладить или хитроумно обойти "реальность" предельной угрозы; мистицизм, используемый для оказания сильнейшего воздействия в сфере слияния с безусловным началом для того, чтобы уйти от реальности предельной угрозы; вмешательства духовенства в светские дела, которые связаны с передачей духовной защиты, освобождающей, якобы, человеческую жизнь от опасности; эклезиастического авторитета, претендующего на исключительное обладание истиной, которая в его трактовке никогда не будет искажена; культов, дающих ощущение экстатической полноты, но в действительности маскирующих неспособность и уклонение от пути, где открывается возможность исполнения божественного требования. Ясно, что церковь, занимающая подобную позицию, где в сущности отсутствует любое потенциальное творчество, при котором её природа способна самоукрепляться и черпать свежие силы, должна неизбежно прийти к полной опустошенности,

обнаружить несостоятельность перед лицом окружающей её социальной реальности, секуляризоваться, вследствие уступки, заключающейся в готовности приноравливаться ко всем тенденциям, веяниям, интерпретациям, с чьей помощью каждый человек намеревается выявить свою святость в согласии с его собственной самостью. Несомненно, что такая церковь заключает в себе стремление стать чем-то вроде аморфной группы людей секулярного толка, утративших сакраментальную основу, через которую от поколения к поколению передается сознание человеческой пограничной ситуации. Ясно, что такая церковь может утратить или отвергнуть собственный характер, если она поставила себя в необходимость только внешне имитировать сакраментальный тип других церквей, касается ли это культов или священнического авторитета, учений или пути церкви. Там, где церковь уступает соблазнам, она превращается в слабое подражание, заимствуя лишь формы подлинного творчества. Ее сила таится совсем в другом месте. Это та энергия, символом которой в прошлом считался крест, поскольку в кресте человечество перешло свою пограничную ситуацию, как никогда раньше и никогда позже. Протестантская церковь будет обладать этой реальной энергией, равно как её достоянием будут бессилие и нищета до тех пор, пока она не осознает значение собственного существования. Ибо эта церковь всегда находится в опасности забыть и утратить свое значение. Её величайшим падением явилась претенциозная уверенность, что она, благодаря "чистой доктрине", стала неуязвимым обладателем истины. Она не понимает, что стоять на границе означает не только несправедливость, но и заблуждение. Она вообразила, что является хранительницей истины, как будто она была единственной обладательницей того, что содержится в букве Писания и соответственно определяет учение церкви. В недвусмысленной претензии обладать правдой и чистой доктриной она отвергла реальность пограничной ситуации, а с ней и свои собственное значение и силу. И когда она стабилизировала свое существование таким образом, что всякого рода внутренние вопрошания и сомнения оказались ненужными, она вдруг стала предметом внешнего исследования и разрушения.

Автономная культура шаг за шагом подорвала миф о неприкосновенном обладании церковью истины, и она (церковь) отступила назад, в тихую гавань, в которой всё нажитое ею достоинство ценой уступок влилось в общее содержание упомянутой культуры.

Настоящее положение церкви таково, что ни одна часть ее старого наследия не может больше считаться защищенной. Но именно в этой ситуации некоторые люди церкви пришли к пониманию, что их задача состоит не в защите преобладающего влияния религии, но в провозглашении и подчеркивании пограничной ситуации, в которой как секулярное, так и религиозное^е господство поставлено под вопрос. Позиция защиты была отвергнута. Наличие ~~миссии~~ получило преимущественное признание; но эта наступательная тенденция имела целью не возвращение утраченного обладания, не завоевание иерархической системы власти (как старались внушить все эти толки о "столетии церкви"), а скорее всего стремление подвести к пограничной ситуации всю сумму проблем, связанных с катастрофой предела независимо от их культурного или религиозного содержания. Протестантская церковь не призвана вступить в соревнование на той арене, где сталкиваются мировые интересы. Её борьба проходит выше ^{СК}мирского уровня и связана с необходимостью произвести оценку, сказать слово обличения и надежды.

Если всё, что мы сказали вначале — верно, а именно, что человек нашего времени проникнут пониманием предельной угрозы, нависшей над его ситуацией, он должен быть в состоянии охватить объемный смысл посланничества Протестантской церкви, при условии, что её миссия имеет в основе именно эту ситуацию.

Отсюда с очевидностью вытекает, что эта миссия не может использовать терминологию Реформации или те способы проповеди, которые преобладают в современной Протестантской церкви. Действительно, библейская терминология сама по себе, включая и слово "оправдание", может стать более понятной лишь в опыте пограничной ситуации.

"Праведность" была Ветхозаветным словом, которое Павел, а после него Лютер использовали для того, чтобы выразить безусловное требование, превышающее пределы человеческой возможности. Праведность — это нечто такое, о чем каждый человек,

попавший в пограничную ситуацию, знает, что он этим не обладает. Он знает, что человеческая свобода, ассимилируя это свойство в своей бытийности, делает его двусмысленным, насыщает смещением правды и лжи, искажает точно также, как всё, что является плодом человеческой жизни, переворачивающей все элементы идеального по своему житейско-реальному образу.

Дютер, молодой монах, спустился в глубину этой пограничной ситуации и дерзнул отвергнуть все предосторожности и укрепления, которыми пыталось оградить его церковное благочестие. Он оставался там в одиночестве и наконец постиг, что именно эта ситуация является единственным условием, при котором можно услышать и воспринять Божественное "Да", возвышающееся над всей полнотой человеческого существования; ибо это "Да" не обосновано ограниченной природой человека, оно является безусловленным и абсолютно свободным, пребывающим вне тех пределов, где актуализируются человеческие возможности. Этот опыт пограничной ситуации был разработан и сформирован с помощью раввинистических, католических и схоластических концептов. "Оправдание грешников или неверующих", "прощение вины", "отпущение грехов осужденным", "оправдание верою без участия добрых дел" — всё это не более как метафоры, чья вразумительность несколько не покрывает порождаемые тут же сомнения. Как более ^{иногда} адекватные понятия они находятся вне области наших интересов. Но реальности, с которыми они описательно связаны, представляют самую актуальную и острую проблематику, чей ^{божественный} жгучий интерес движет нашу работу; угроза человеческому существованию и "Да", звучащее наперекор этой угрозе, выше тех пределов, где она (угроза) имеет все данные для объективного познания и для своей реализации. Современный человек осознает всю двусмысленность человечности, о которой мы только что говорили. Он сознает смятение и неустройство своей внутренней жизни, амбивалентность, расщепляемость в его поведении, действие демонических сил в его физическом и социальном существовании. И он ощущает, что не только его бытие, но в равной мере и его познание обречены на смятение и неустройство, что он теряет подлинную правду, и что он лицом к лицу, особенно в социальной действительности, сталкивается с осоз-

нанной демонизацией этой правды, ведущей к её разрушению. В этой ситуации, когда большая часть традиционных ценностей и добытых историческим опытом форм жизни подвергаются неуклонному распаду, "развитие" человека есть не что иное как движение к бездне абсолютного, хаотического безумия, утрате смысла, к бездне, наполняющей наше существо ужасом и очарованием. Человек, однако, знает, что эта ситуация не есть результат механического процесса, но порождается судьбоносным началом, заключающим в себе свободу и вину. Только осознав насущность всех этих обстоятельств, можно понять почему Протестантизм занят прежде всего проблемой пограничной ситуации, чья реальность находится в самой непосредственной связи с жизнью современного человека.

У. Протестантская миссия.

Теперь можно с большей достоверностью определить, чем должно стать Протестантское посланничество для человека наших дней и чем оно не может быть.

Протестантская миссия не может заключаться в том, чтобы непосредственно провозглашать религиозные истины, как они выражены в Библии и предании, поскольку ситуация, в которой находится современный человек порождает атмосферу сомнения вокруг этих истин, как и самой Протестантской церкви. Христианские учения, даже в самой своей сердцевине — Господь и Христос, церковь и откровение — приобретают фундаментальную проблематичность и становятся объектом непрерывного противоборства, как среди богословов, так и людей непосвященных. В такой форме они не смогут стать основой миссии церкви в наши дни. До тех пор, покуда подлинные представители Протестантского посланничества не войдут в эту ситуацию их деятельность будет совершенно бесполезна в широких общественных кругах и в особенности среди пролетарских масс. Оно (протестантское посланничество) не может требовать от современного человека, чтобы он вначале и прежде всего принял теологические истины, даже если эти истины есть ни что иное как Бог и Христос.

Если церковь рассматривает свою миссию в органической

связи с этим непреложным требованием, то следовательно она не постигает на достаточно серьезном уровне положение нашего современника и не может эффективно противостоять вызову многих мыслящих людей, которые отвергают посланничество церкви, как не имеющее к ним никакого отношения.

Современный человек может ответить церкви вполне резонно, пользуясь ее же собственным языком: "Бог не требует, чтобы человек прежде чем пережить ситуацию Страшного Суда, услышать окончательное "Да" и "Нет" свыше, предварительно воспринял религиозный догмат или справился со всеми своими сомнениями". Законодательство подобного рода является столь же тяжким бременем, как и правовые нормы в сфере морали. Как первое, так и второе потерпели поражение благодаря глубоко постигнутому и радикально сформированному учению об оправдании верою. Глубочайший аспект, заложенный в самом акте оправдания верою заключается для нашей ситуации и для современного человека в том, что он позволяет постичь Бога в тот самый момент, когда все известные суждения и утверждения о "Боге" утрачивают свое влияние.

Посланничество Протестантской церкви должно выявляться в трюичной форме.

Прежде всего, в нем должно быть заложено настойчивое требование радикального опыта пограничной ситуации; оно должно разрушить сохраняемые в тайне "тихие гавани" современного человека, которые создают иллюзию забвения и предохраняют его от необходимости решительно отнестись к пределам его существования. Среди этих, в тайне обретаемых "гаваней" находятся и остатки всемирно известных воззрений, идеалистических и материалистических. Определение нашей ситуации посредством слова "идеология" должно уже само по себе служить достаточным предостережением против этих сомнительных ревнителей и защитников. Мы уже научились понимать, что философские системы часто изображают работу подсознания, как в психологическом, так и в социальном аспектах, в виде движения, направление которого глубоко отличается от значения приобретаемого ими на путях знания. Подобное суждение применимо и к подорванной вере в научный метод, как пути к истине, поскольку ни один великий

учений не считал науку таким путем; в представлениях такого рода повинны их псевдофилософские популяризаторы. (наука сама по себе является объективным свидетельством кризиса своих основ, в математике точно также как и в физике, в биологии, как и в психологии). То же самое можно сказать и о претензиях педагогики преобразовать общество и сформировать личностное начало. В наше время стало уже слишком очевидно, что образование как метод предполагает еще некое содержание, духовную субстанцию, в которую оно должно ввести человека, но которую оно не способно создать. И политические верования также не смогут избежать упомянутого подхода, независимо от того провозглашают ли они традиции прошлого или приветствуют наступающую утопию, связаны ли они с верой в революцию, реакцию или прогресс. Старые традиции подверглись распаду; процесс был восстановлен ценой ужасных рецидивов; а утопии породили непрекращающееся разочарование в массах. Это суждение применимо также и к националистическим идеологиям, чья демоническая подоплека становится все очевиднее; оно сохраняет свою истинность по отношению к космополитической суперструктуре, которая интерпретируется или в рамках пацифистского идеализма, или империалистической воли к власти. Оно (суждение) правомерно при рассмотрении недавних попыток разного рода терапевтической психологии, воздать защиту личностного начала путем технических методов, которые несмотря на их глубину и революционную энергию, оказались не в состоянии создать духовный центр и предельный смысл в существовании человека. Оно применимо к широко распространенному стремлению найти себя в активной работе, профессии, экономическом соревновании, гуманитарной деятельности, как способов бегства от угрозы пограничной ситуации. То же самое следует сказать о нерелигиозных движениях, гарантирующих, якобы, спиритуалистическую защиту личности, равно как и о новых формах мистицизма и оккультизма, волевой терапии и т.д., которые, несмотря на все свои достижения, в сущности стремятся скрыть серьезность пограничной ситуации и подменить ее фанатизмом и высокомерием. И, наконец, протестантская миссия должна разоблачить последнюю, самую утонченную, самую интеллектуальную форму обманчивого самосохране-

ния современного человека, когда он пытается эстетически драматизировать свое плачевное положение; когда надобно Нарциссу, он созерцает самого себя в этой ситуации, превращая ее в зеркало, хотя порой его отражения выглядят трагически; когда он пытается защитить себя от опыта пограничной ситуации воздвигнутой с помощью искусства стеной, которая, однако, способствует его саморазрушению. Против всего этого выступает протестантская миссия, рассматривая эту деятельность как свою главную обязанность.

Во-вторых, протестантская церковь должна сказать свое "да" всему, что ~~испытывает~~ испытывает человек в пограничной ситуации, когда он решается с полной серьезностью именно в ней оценить свое собственное положение. Протестантизм должен провозгласить осуждение всему, что создает человеку иллюзию защиты, в условиях, когда отсутствует малейшая надежда на безопасность; осудить тех, кто декларирует целостность бытия при наличии общественного распада и расщепленности души; осудить и тех, кто внушает уверенность в присутствие правды, в то время, когда мы лишены всякой правды (даже религиозной); произнести слово осуждения тем, кто возвещает об открытии ими смысла жизни в ситуации, утратившей всякий смысл. В этом заключается главная сущность протестантской миссии, которую необходимо всячески отстаивать; она не должна быть преобразована в новую доктрину, или благочестивый метод, или стать схемой, которую используют в каждой проповеди; она не должна подменить собой новую форму безопасности — которая именно сейчас может быть особенно катастрофичной. Она должна составлять глубинный смысл и подтекст всего нашего обращения к людям; она должна сохранить свое качественное начало, с которым связана истинность и сила протестантской миссии.

В третьих, протестантизм должен свидетельствовать о "Новом Бытии", ибо только в этом случае его слово может приобрести необходимую энергию и силу, но он должен действовать таким образом, чтобы его свидетельство не превратилось опять в основу ложного учения о безопасности человека. Новое Бытие, которое для Христианской веры выражается прежде всего в Иисусе, как Христе, представляет действенную силу не только в жизни

отдельного человека и целого общества, но и в жизни природы, ибо оно (бытие) выявилось через таинства. Возможность переживания могущества этого Нового Бытия составляет богатство Протестантской веры, и является коррелятом к его бедности;: ибо только благодаря Протестантскому принципу, миссии протестантизма, связанной с пограничной ситуацией, уничтожением всех преград и укрытий, в которых кто-нибудь смог бы избежать его обличений, Протестантизм делается открытым для всех, для людей религии и мира, прошлого и будущего, отдельного человека и целого общества. Все эти различия преодолеваются энергией и мощью Нового Бытия, которое действует во всех элементах окружающего мира, снимая разграничения, созданные исключительностью и отделенностью. Культура не подвержена религии, и религия не растворена в культуре. Протестантизм не обесценивает и не идеализирует культуру. Он пытается понять ~~внешнюю~~ её религиозную субстанцию, её спиритуальную основу, её "теономическую" природу. Протестантизм также не идеализирует и не обесценивает религии. Он пытается понять её как непосредственное, специфическое выражение духовной субстанции, которая в царстве культуры представлена в опосредованных формах. На этом пути Протестантский принцип отвергает церковь, как исключительного обладателя сферы духа; он отвергает культуру, как секулярное начало, которое якобы может избежать суда пограничной ситуации. Эта позиция Протестантизма в отношении церкви и культуры заключает в себе ответ на вопрос: где местопребывание сегодняшнего протестантизма? Кто провозглашает протестантский принцип? Ответ должен быть следующий: Протестантизм живет в энергии Нового Бытия, и везде, где проповедуется пограничная ситуация, провозглашаются его "Нет" и "Да". Только здесь обнаруживается сфера его деятельности. Протестантизм может жить в организованных протестантских церквях, но также и за пределами их стен. Быть может, большинство людей нашего времени пережили пограничную ситуацию не в церкви, а вне её. Протестантский принцип может быть провозглашен движениями, которые не являются вполне ни экклезиастическими, ни секулярными, но принадлежат обоим сферам без различия пограничной линии между ними; он может быть провозглашен группами и отдельными людьми,

независимо от того исповедуют они или нет христианский и протестантский символ; но именно они могут выражать подлинную человеческую ситуацию перед лицом предельного и безусловного. Если они делают это лучше и с большей достоверностью, чем официальные церкви, тогда — они, а не церкви представляют Протестантизм для человека нашего времени.

...